

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 821.161.1.09-1(092)

DOI 10.52928/2070-1608-2026-80-4-2-6

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА:
СТРАТЕГИИ ВОПЛОЩЕНИЯ СОФИЙНОЙ ОБРАЗНОСТИ

канд. филол. наук, доц. Л.Л. АВДЕЙЧИК
(Белорусский государственный университет, Минск)
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0538-0575>
e-mail: mlar25@gmail.com

В статье анализируется переводческая деятельность Владимира Соловьева (1853–1900) как значимая, но малоизученная область творческого наследия философа. На основании рассмотрения отдельных переводов определяется специфика его авторской стратегии, обусловленная стремлением передать в художественных текстах значимые сакральные смыслы, прежде всего – откровение о Софии. Особое внимание уделяется отдельным вольным переводам Платона, Г. Гейне, Хафиза, А. Мицкевича и циклу-стилизации «Хвалы и моления Пресвятой Деве» (из Петрарки) как ярким примерам софийной лирики. Делается вывод о теургическом характере переводов как части поэтического творчества Соловьева, предопределившего новые векторы развития русской поэзии Серебряного века.

Ключевые слова: Владимир Соловьев, поэтические переводы, переводческие стратегии, софийная образность, Вечная Женственность, теургия.

Введение. Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900) хорошо известен как философ, поэт, литературный критик, публицист, религиозный и социальный деятель последней трети XIX в., однако переводческая деятельность мыслителя остается малоизученной областью его наследия до сих пор. За исключением отдельных статей сравнительно-сопоставительного характера: «В.С. Соловьев – переводчик Данте (о двух переводах из «Vita Nuova»)» Е.А. Черкасовой (2022) [1], «Псевдо-Хафиз В.С. Соловьева и влияние переводческой традиции Г.Ф. Даумера и А.А. Фета» А.Л. Корриторе (2024) [2], переводы Соловьева редко попадают в фокус внимания литературоведов. Между тем переводы и стилизации Соловьева представляют собой уникальный корпус текстов, тесно связанный с его метафизической картиной мира и являющийся своеобразным продолжением его оригинальной поэзии, о чем свидетельствует и замечание З.Г. Минц о переводческой стратегии Соловьева: «Он переводил только то, что давало ему возможность выразить какие-то стороны собственного мирозерцания» [3, с. 47].

Целью данного исследования является изучение того, как в переводах Соловьева воплотилась одна из центральных идей его мифопоэтической картины мира – идея Софии, Премудрости Божией, Вечной Женственности, которая являлась новаторской, вдохновляющей и продуктивной как для самого поэта-философа, так и для многих его последователей: «София у Вл. Соловьева – это основной и центральный образ, или идея, всего его философствования. Её он мыслил как нераздельное тождество идеального и материального, как материально осуществленную идею или как идеально преображенную материю» [4, с. 188]. На примере избранных, наиболее показательных переводных произведений проследим, как софийная образность проявлялась и развивалась в поэтических переводах Соловьева, какие приемы использовал поэт при этом и какими специфическими чертами отличался в результате его переводы. Подобного рода комплексное концептуальное исследование творчества Соловьева проводится впервые, что обуславливает актуальность данной статьи.

Основная часть. В переводческом наследии Соловьева можно выделить несколько основных групп текстов: переводы философских трудов античных мыслителей (Платона, Сократа), переводы прозаических произведений (самое известное из них – сказка Э. Гофмана «Золотой горшок») и внушительный корпус поэтических переводов (более 40 стихотворений), относящихся к разным эпохам и культурам. В числе привлекавших внимание Соловьева-переводчика встречаются произведения античных, итальянских, персидских, английских, немецких, французских, польских и хорватских поэтов. Сохранились выполненные Соловьевым стихотворные переводы Платона, Вергилия, Данте Алигьери, Ф. Петрарки, Хафиза, Г. Лонгфелло, А. Теннисона, Ф. Шиллера, Г. Гейне, П. Прерадовича, А. Мицкевича. Отдельно стоит отметить совместную с А. Фетом работу над переводом «Фауста» И. В. Гете и особый интерес Соловьева к переводу Библии, к которому философ обратился в последние годы жизни.

Характерной особенностью соловьевских поэтических переводов является их вольный характер. Даже при беглом сопоставлении переводов с оригинальными текстами становится очевидным, что Соловьев не стремился к буквальной точности ни на формальном, ни на содержательном уровнях. Его переводы представляют собой скорее переложения, подражания и стилизации, подчиненные определенной авторской стратегии, которая заключается в специальном отборе текстов, позволяющих передать важнейшие для философа сакральные смыслы, один из которых – откровение о Софии. Из известных переводов Соловьева более половины содержат софийную образность и семантику, как то: «На звезды глядишь ты...» Платона (1874), Четвертая эклога Вергилия «Поллион» (1887), «VITA NUOVA» Данте (1886), «Хвалы и моления Пресвятой Деве» («Lodi preghiere» Петрарки, 1883), цикл газелей «Из Гафиза» (1885), «Предсмертное стихотворение» Теннисона (1893), «Ночное плавание» Гейне (1874) и «Якобы из Гейне» (1889), «Сон» Мицкевича (1885).

В самом первом своем переводе 1874 года Соловьев обратился к античной традиции – к известной эпиграмме в форме элегического дистиха, приписываемой Платону¹.

Эпиграмма Платона

Ἀστέρης εἰσαθρεῖς ἀστήρ ἐμός. Εἶθε γενοίμην
οὐρανός, ὥς πολλοῖς ὄμμασιν εἰς σὲ βλέπω [5].

Подстрочный перевод

[На] звезды [ты] глядишь, звезда моя. О если бы [я] стал
небом, чтобы многими глазами на тебя [я] смотрел².

В своем переводе Платона Соловьев не придерживается строгого формального и смыслового сходства с оригиналом. Тем не менее, выполненный в форме нерифмованного четверостишия с использованием трехстопного размера – амфибрахия, передающего певучесть и пространность античного стиха, работающего на развитие ключевого образа бескрайнего звездного неба, это стихотворение считается одним из самых удачных в русской переводческой традиции:

На звезды глядишь ты, звезда моя светлая!
О, быть бы мне небом, в широких объятиях
Держать бы тебя и очей мирадами
Тобой любоваться в безмолвном сиянии [6, с. 180].

З.Г. Минц справедливо отмечала, что данное стихотворение «становится одним из самых ярких выражений мирозерцания молодого Соловьева – устремленности к небу, к высокой, неземной любви» [3, с. 47]. А в контексте всего творчества и мировоззрения поэта-философа этот перевод воспринимается как текст, в котором уже в первоначальном виде намечается софийная линия: астральная образность, использованная для создания образа мистической возлюбленной, – один из признаков софийной символики в поэзии Соловьева.

Постепенно софийная образность в переводах Соловьева развивается и усложняется. Так, в переводе стихотворения Гейне «Ночное плавание» (1878) появляется более отчетливый, хоть не менее загадочный образ прекрасной небесной девы, страдающей и ищущей спасения, которой эквивалентны следующие черты: «стройна, недвижима, как бледная тень» [6, с. 180], «в неволе, в тяжелых цепях Красота» [6, с. 181], представшая лирическому герою «ни въявь, ни во сне» [6, с. 181] и также внезапно исчезнувшая. Мифическими софийными чертами наделяется «просветленный» Вечно-женственный образ и в переложении «Якобы из Гейне»:

Как из пены волн рожденная,
Вся красой просветлена,
Ты – невеста обрученная [6, с. 183].

При рассмотрении процесса развития софийной образности показателен и один из переводов известного персидского поэта Хафиза «Для меня вопрос мудреный...», выполненный Соловьевым, по предположению З.Г. Минц [3, с. 327], с немецкого переложения Ф. Боденштедта «Ширазский певец, песни Хафиза» (1880) [7]. Соловьев и в данном тексте не придерживается заданной в оригинале формы газели, не соблюдает строгой рифмовки, укорачивает длину строк, но сохраняет характерную строфику двустий, ритмичность, напевность, легкость восточной поэзии и образный национальный колорит:

Для меня вопрос мудреный
И труднейшая задача –
Это стан моей Зулейки,
Ибо он так дивно тонок,
Что его считать я должен
За чистейшее ничто, –
И однако ж он есть нечто:
Бытие с небытием
Здесь сливаются в единстве
Осязательно простом,
А рассудок побежденный
Умолкает со стыдом. [6, с. 190–191].

Соловьев-переводчик привносит в перевод особый игровой характер через использование приемов романтической самоиронии, что очевидно было более характерно для софийной лирики поэта-философа, нежели для поэзии Хафиза. Но смыслообразующим стержнем произведения становится все-таки его философское наполнение, благодаря актуализации софийных мотивов: любование станом восточной красавицы Зулейки перерастает в понимание, что в женской красоте осязательно «сливаются в единстве» «бытие с небытием» [6, с. 191]. Любовное признание трансформируется в мистическое откровение, где логика бессильна, «а рассудок побежденный умолкает со стыдом» [6, с. 191]. Переводной текст становится созвучным соловьевской концепции всеединства, согласно которой все противоречия снимаются в высшем синтезе мировой гармонии, центром и воплощением которой становится София, Мировая Душа,

¹ Вопрос авторства эпиграмм Платона до сих пор вызывает научные дискуссии.

² В квадратных скобках указаны личные местоимения, которые опущены в греческом тексте.

явленная в прекрасном Вечно-Женственном образе. Очевидно, что Хафиз подобного софийного смысла не вкладывал в свою любовно-эротическую поэзию, хотя в ней и присутствовали мистико-метафизические смыслы. Специфику переводных хафизовских стихотворений, которые стали органичной частью поэтического наследия Соловьева, отмечал в своем исследовании П. Дэвидсон: «В 1885 году Владимир Соловьев перевел одиннадцать любовных стихотворений Хафиза и затем включал их наряду со своими оригинальными стихами в каждое последующее издание своей поэзии. Таким образом, Хафиз стал частью софиологической традиции»³ [8, с. 113].

Показательно и обращение Соловьева к представителям других эпох и народностей, например, к творчеству польского поэта Адама Мицкевича. Особая любовь к польской культуре проявилась у Соловьева с молодости. В 1875 г. он писал другу Д.Н. Цертелеву из Варшавы: «В виде отдыха читаю по-польски Мицкевича, в которого я совершенно влюбился. Тебе непременно нужно выучиться по-польски, хотя бы для него одного, а есть и другие» [9, с. 227]. Сохранилась и запись в «Альбоме признаний» Т.Л. Сухотиной, где на вопрос о любимом поэте Соловьев отвечает: «Пушкин и Мицкевич», а любимым стихотворением называет «Пролог Конрада Валленрода» [10, с. 53].

В 1885 г. Соловьев создает стихотворение «На мотив из Мицкевича», непосредственно восходящее к сонету Мицкевича «Sen» («Сон», 1825 [11]). Сравнительно-сопоставительный анализ оригинального текста Мицкевича и соловьевского переложения выявляет глубинную трансформацию смыслов в переводном варианте. Для большей наглядности предлагаем сравнить исходный текст с подстрочником и ниже вариант его художественного перевода у Соловьева.

Adam Mickiewicz Sen

Chociaż zmuszona będziesz mnie porzucić,
Jeżeli serca nie zmienisz w kochaniu,
Rzucając nawet, nie chciej mnie zasmucić,
I rozstając się, nie mów o rozstaniu!

Przed smutnem jutrem, niech jeszcze z wieczora
Ostatnia spłynie na pieszczotach chwilka;
A kiedy przyjdzie rozstania się pora,
Wtenczas trucizny daj mi kropel kilka.

Do ust twych usta przycisnę; powieki
Zamykać nie chcę, gdy mię śmierć zamroczy;
Niechaj rozkosznie usypiam na wieki,
Całując lica, patrząc w twoje oczy.

A po dniach wielu, czy po latach wielu,
Kiedy mi każą mogiłę porzucić,
Wspomnisz o twoim sennym przyjacielu,
I zstąpisz z niebios, aby go ocucić.

Znowu mię złożysz na twem łonie białem,
Znowu mię ramię kochane otoczy;
Zbudzę się, myśląc, że chwilę drzemałem,
Całując lica, patrząc w twoje oczy [11].

Подстрочный перевод

Хотя ты должна со мною расстаться,
Если сердце твоё останется верным в любви,
Уходя, не захочешь меня огорчить,
И расставаясь, не вспомнишь о разлуке!

Предваряя печаль завтрашнего дня, этим вечером
Последние прикосновения пусть будут прекрасны;
И когда придет время расстаться,
Уж лучше дай мне пару капель яду.

Уста твои прижму к своим, и веки
Не захочу закрыть, даже если смерть настигнет меня;
Пусть я блаженно усну навеки,
Целуя лицо твоё и глядя в твои глаза.

А после многих дней или даже многих лет,
Когда велят мне покинуть могилу,
Ты вспомнишь своего уснувшего друга,
И сойдешь с небес, чтобы пробудить его.

Снова прильнешь ко мне своим белоснежным телом,
Снова руки мои обнимут тебя, любимая;
И так я проснусь с мыслью, что немного вздремнул,
Целуя лицо и глядя в твои глаза⁴.

Перевод Соловьева «На мотив из Мицкевича» представляет собой более лаконичный текст, состоящий из трех четверостиший вместо пяти, но с сохранением трехстопного размера оригинала и характерной задушевной, интимной интонации, поскольку само стихотворение построено как монолог, обращенный к возлюбленной перед неизбежным окончательным расставанием:

Пускай нам разлуку судьба присудила, –
Зачем умножать неизбежные муки?
О друг, если сердце любить не забыло,
Ты в час расставанья молчи о разлуке!

Отдать не хочу я враждующей силе
Блаженства последних крылатых мгновений,
Чтоб мог схоронить в одинокой могиле
Я память любви без тоски и сомнений.

Чтоб грезить я мог до скончания света
Про нежные ласки, про ясные очи,
Пока не сойдешь ты, в сиянье одета,
Меня пробудить от томительной ночи [6, с. 193].

³ Перевод цитаты выполнен автором статьи в рамках исследования.

⁴ Перевод стихотворения выполнен автором статьи в рамках исследования.

Стихотворение Мицкевича – это образец тонкой интимной лирики, где темы эроса и танатоса, смерти и бессмертия получают любовно-эротическую окраску. Герой желает блаженно уснуть навеки, целуя лицо возлюбленной и глядя ей в глаза, чтобы однажды проснуться (воскреснуть) в объятиях любимой. У Соловьева те же мотивы приобретают софийно-мистическое звучание: вместо конкретной возлюбленной возникает таинственный образ небесной девы, сходящей «в сиянье одетой» [6, с. 193], чтобы пробудить лирического героя «от томительной ночи» [6, с. 193]. Разлука трактуется не как земная разлука с любимой женщиной, а как метафизическое ожидание Софии. Эсхатологические мотивы получают софийное разрешение: смерть оказывается сном «до скончания века», а пробуждение (воскресение в новом мире) предполагает вечную встречу с мистической возлюбленной в конце времен.

Наиболее ярким примером переводной софийной поэзии Соловьева можно назвать стихотворный цикл «Хвалы и моления Пресвятой Деве», который традиционно помещается в разделе переводов и подражаний, хотя, в сущности, является оригинальным произведением-стилизацией. Впервые опубликованный в «Вестнике Европы» в 1886 г., цикл сопровождался авторской сноской: «В этом вольном и сокращенном переложении Петраркиных “Lodi preghiere” я сохранил необычную стихотворную форму итальянской пьесы» [6, с. 326]. В данном цикле, состоящем из семи стихотворений, Соловьев соединяет любовную лирику Петрарки, проникнутую рыцарским духом поклонения Мадонне, с традицией православного акафиста Богородице. Таким образом поэт-переводчик осуществляет сложный синтез европейской поэтической традиции и русской православной гимнографии, подчеркивая, что идея Софии не знает границ, все соединяя и примиряя в себе. И общий дух сакрализации возлюбленной через трансформацию земных чувств, характерный для поэзии Петрарки, обогащается активным использованием акафистной стилистики, где Богородица прославляется через развернутую систему сгущенной символической образности:

О всевятая, благословенная,
Лествица чудная, к небу ведущая!
С неба ко мне приклони свои очи!
Воду живую, в вечность текущую,
Ты нам дала, голубица смиренная [6, с. 188]

В другом стихотворении цикла «Хвалы и моления Пресвятой Деве» встречается следующая цепочка образов:

Лилия чистая среди наших терний,
В мрачной пучине жемчужина ясная,
В пламени злом купина не горящая,
В общем потоке ладья безопасная,
Облако светлое, мглой вечерней
Божьим избранныкам ярко блестящее,
Радуга, небо с землею мирящая,
Божьих заветов ковчег неизменный,
Манны небесной фиал драгоценный,
Высь неприступная, Бога носящая! [6, с. 189]

Образ Пречистой Девы у Соловьева приобретает черты Софии – посредницы между Богом и миром, «лестницы чудной, к небу ведущей», «радуги, небо с землею мирящей», «выси неприступной, Бога носящей» [6, с. 189]. А финальное обращение в заключительной песне цикла представляет собой не только молитву католической Мадонне или православной Матери Божией, но гимн Софии, понимаемой как воплощение космического Божественного Логоса.

Дольный наш мир осени лучезарным покровом,
Свыше ты осененная,
Вся озаренная
Светом и словом! [6, с. 189]

В некотором смысле «Хвалы и моления Пресвятой Деве» Соловьева являются настолько свободным переложением, что весь цикл можно рассматривать как оригинальный поэтический текст с максимально воплощенной софийной образностью.

Заключение. Поэтические переводы Соловьева, в отличие от философских и прозаических, не являются аутентичными строгими эквивалентами изначальных текстов. В большинстве случаев это вольные переложения и стилизации, подчиненные единой авторской стратегии – передаче сложных идей, близких самому переводчику. Это связано с тем, что переводческая практика во второй половине XIX в. только развивалась, а Соловьев не был профессиональным переводчиком, оставаясь поэтом-философом, что накладывало отпечаток на всю его деятельность.

На основании последовательного анализа переводческого наследия Соловьева, удалось установить, что в значительном корпусе текстов, которые составили переводы стихотворений Платона, Ф. Петрарки, Хафиза, Г. Гейне, А. Мицкевича и других, проявилось софийное начало. Оно воплотилось в характерной Вечно-женственной образности, которая, по концепции автора-переводчика, имела прообразы в разных культурах (античной, персидской, церковнославянской, итальянской, немецкой, польской и т.д.) и потому получила универсальное звучание.

В 1911 г. в статье «О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания» Вячеслав Иванов справедливо отметил: «Значение Соловьева как поэта определяется по плодам его поэтического творчества: он начал своею поэзией целое направление, быть может, эпоху поэзии. Когда призвана Вечная Женственность, тогда певцы начинают петь. <...> Кроме того, Вл. Соловьев нашел, как учитель, слова, раскрывшие глаза поэту и художнику на его истинное и высочайшее назначение: Соловьев определил истинное искусство как служение теургическое» [12, с. 354]. Это утверждение релевантно и по отношению к переводным текстам философа, которые стали не только филологической практикой, но и «теургическим служением», то есть творчеством, преображающим действительность через воплощение в нем особых сакральных смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черкасова Е.А. В.С. Соловьев – переводчик Данте (о двух переводах из «Vita Nuova») // Соловьёвские исследования. 2022. – Вып. 1(73). – С. 40–54.
2. Корриторе А.Л. «Псевдо-Хафиз В.С. Соловьева и влияние переводческой традиции Г.Ф. Даумера и А.А. Фета» // Соловьёвские исследования. 2024. – Вып. 1(81). – С. 36–51.
3. Минц З.Г. Владимир Соловьев – поэт // В. Соловьев. Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. ст., сост. и прим. З.Г. Минц. – Л.: Сов. писатель, 1974. – С. 5–56.
4. Лосев А.Ф. Вл. Соловьев и его время. – М.: Прогресс, 1990. – 720 с.
5. Anthologia Graeca. Epigram 7.669. – URL: <https://anthologiagraeca.org/passages/urn:cts:greekLit:tlg7000.tlg001.ag:7.669> (дата обращения: 20.05.2026).
6. Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. ст., сост. и примеч. З.Г. Минц. – Л.: Сов. писатель, 1974. – 352 с.
7. Der Sänger von Schiras. Hafisische Lieder / Verdeutscht durch Friedrich Bodenstedt. – Berlin: Hofmann, 1877. – 211 s.
8. Davidson P. The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov. A Russian Symbolist's Perception of Dante. Cambridge: Cambridge U.P., 1989. – 319 p.
9. Письма Владимира Сергеевича Соловьева: В 4 т. / Под ред. Э.Л. Радлова. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1908–1923. – Т. 2. – 1909. – 368 с.
10. Из «Альбома признаний» Т.Л. Сухотиной // Вл. Соловьев: pro et contra: в 2 т. – СПб.: РХГИ, 2000. – Т. 1. – С. 52–54.
11. Adam Mickiewicz. Sen. – URL: <https://wolnelektury.pl/media/book/txt/mickiewicz-sen.txt> (дата обращения: 20.05.2026).
12. Иванов В.И. О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания // Книга о Владимире Соловьеве. – М.: Сов. писатель, 1991. – С. 344–354.

Поступила 06.06.2026

VLADIMIR SOLOVYOV'S POETIC TRANSLATIONS: STRATEGIES FOR EMBODIMENT OF SOPHIAN IMAGERY

L. AVDEICHIK
(Belarusian State University, Minsk)

This article analyzes the translation work of Vladimir Solovyov (1853–1900) as a significant, but understudied area of the thinker's creative legacy. Based on the review of individual translations, it identifies the specifics of his authorial strategy, driven by his desire to convey significant sacred meanings in literary texts, primarily the revelation of Sophia. Particular attention is given to individual free translations from Plato, G. Heine, Hafiz, A. Mickiewicz, and the stylized cycle "Praises and Supplications to the Blessed Virgin" (Petrarch) as striking examples of Sophian lyricism. It concludes the theurgic nature of these translations as a part of Solovyov's entire poetic work which predetermined new vectors for the development of Russian poetry during the Silver Age.

Keywords: Vladimir Solovyov, poetic translations, translation strategies, Sophian imagery, Eternal Femininity, theurgy.